



## Зеркало

фантастический рассказ

---

Серебристый "кайен" неожиданно вылетел из-за поворота и, ослепив фарами бешено сигнализирующую скорую, завизжал тормозами. Водитель крутанул руль, забирая резко вправо. Грузный кроссовер, чудом избежав столкновения, вывернулся и с рёвом понёсся вперёд, заставляя все прочие автомобили испуганно жаться к обочине.

- Сволочь! – зло процедил Дмитрий, искоса поглядывая на пытящего Сан Саныча.

- Дмитрий Николаевич, что случилось? – медсестра Танечка испуганно постучала хрупким кулачком в окошко перегородки, отделяющей кабину водителя от салона реанимобиля.

Дмитрий покачал головой и снова взглянул на пожилого водителя.

- Сан Саныч, как вы? Может остановочку?

- Ну что ты, Димка, а вдруг помрёт? Нет. Мало ли придурков на дороге. Если бы я из-за всех останавливался, ни одного пациента бы не довёз.

Дмитрий снова покачал головой, глядя как белеют костяшки, вцепившихся в руль, полноватых пальцев. Сан Саныч работал на скорой больше двадцати лет, и о его манере вождения уже слагали легенды. Казалось, на свете не существует такого препятствия, которое бы помешало ему вовремя доставить дежурную бригаду к пациенту. Он знал город так, как если бы карта всё время была у него перед глазами. Объезжая пробки, частенько проскакивал через улочки, переулки и арки, которых отродясь на этой карте не бывало. Но последнее время годы брали своё, реакция стала подводить, да и сердце уже не выдерживало нагрузок.

- Тормози! - крикнул Дмитрий, когда увидел, как на покрасневшей коже водителя выступила испарина.

Сан Саныч поморщился, но не стал перечить врачу. Реанимобиль свернул в дорожный карман и замер. Охнув, водитель схватился за сердце и вымученно посмотрел на Дмитрия.

- Димка, только ты не говори им. Спишут ведь на пенсию, а я дома не могу, мне там хоть волком вой.

Дмитрий скривился, будто сам испытывал не меньшую боль, чем его старший товарищ, но не произнёс ни слова. Жалость не давала как следует сосредоточиться, ведь, если догадки подтвердятся, то Сан Саныч, действительно, не сможет больше сесть за руль реанимобиля. И, он ничем не сможет ему помочь.

Тряхнув головой, чтобы отогнать от себя невесёлые мысли Дмитрий достал из кармана мобильник и набрал телефон диспетчера.

- Валюша, у нас форс-мажор, высылай машинку на...

Он огляделся. Как назло, ни одной таблички с названием улицы.

- Камышанская это, - слабым голосом подсказал Сан Саныч. – Где-то между десятым и двадцатым домом, точнее не скажу.

Повторив за водителем адрес, Дмитрий перевёл взгляд на топчущуюся у его дверцы медсестру Таню. Она кусала губы, но не решалась задать вопрос, видимо ожидая решения врача. Немолодой фельдшер Степанов, который пришёл в бригаду недавно и ещё держался чуть отстранённо, тоже

выбрался из машины и теперь нервно курил, поглядывая в сторону водительской кабины. И Дмитрий решил. Он распахнул дверцу так резко, что Таня еле успела отскочить.

- Алексей Ильич, едемте! – крикнул он. – Не время курить.

Фельдшер замер, на его лице отразилось глубочайшее недоумение.

- Танюша, - Дмитрий попытался придать своему голосу как можно больше мягкости. – Останься, пожалуйста, с Сан Санычем до приезда коллег. И захвати из машины нитроглицерин, может понадобится.

Пересветов вылез из машины, спешно обойдя её, ухватил Сан Саныча за локоть.

- Таня, Алексей Илич, ну что встали, помогайте! – крикнул он уже грубее.

Те спохватились и бросились вытаскивать водителя из машины, поддерживая и усаживая на ближайшую скамью.

- Держись, Сан Саныч, - Дмитрий вдруг схватил руку водителя и крепко-крепко пожал. – Ребята мигом прилетят.

- А как же ты, Дима? Сам что ли поведёшь, а сможешь? – Сан Саныч недоверчиво заглянул Пересветову в глаза.

- Не переживайте, - Дмитрий осторожно сжал плечо водителя. – Я теперь не хуже вас справлюсь.

Махнув фельдшеру, чтобы тот садился в машину, он легко запрыгнул на водительское место и завёл мотор. Реномобиль кашлянул, фыркнул и, заурчав, рванул с места.



Всё время, пока Степанов оказывал первую помощь и уговаривал бабушку ехать в больницу, она плакала, охала и причитала, но как только в поле её зрения попал Пересветов, тут же замолкала, будто забыв об ужасной боли, о ненормально упавшем давлении и вообще обо всём, кроме тридцатилетнего доктора.

- Зачем тогда вызывали реанимацию, – Дмитрий, сложив руки на груди, прожег взглядом сгорбленного старичка, – если отказываетесь класть жену в больницу?

- Я не отказываюсь, - испуганно пролепетал дедок. – Это она сама.

Дмитрий развернулся к застывшей в очередной раз, бабушке и сделал над собой усилие, чтобы сменить гнев на милость хотя бы внешне.

- Аделаида Францевна, ну как же так? Вы ведь взрослая женщина и должны понимать...

- Сынок, - внезапно твёрдым голосом позвала старушка, – дай мне руку, и я обещаю поехать куда повезёшь.

Дмитрий протянул ладонь. Он давно не удивлялся странностям пожилых людей. Старость и болезнь иногда меняют мировоззрение человека до неузнаваемости. Кто знает, кем она его сейчас представляет. Может и вправду сыном, а может архангелом Гавриилом. Неважно, лишь бы согласилась ехать.

Холодные сухие пальцы схватили протянутую руку. Дмитрий тут же ощутил резкую слабость, печаль, а ещё какую-то страшную, всепоглощающую безысходность. Чтобы не упасть, он присел на край кровати. Бабушка же, наоборот, преобразилась. Теперь она выглядела почти здоровой и довольно уверенной. Несколько секунд Аделаида Францевна вглядывалась в лицо врача, а потом вдруг тихо произнесла:

- Я поеду, сынок, но дай мне клятву, что не будет для тебя ничего важнее помощи людям.

Дмитрий через силу улыбнулся.

- Я врач, для меня и нет ничего важнее.

Старушка дёрнула головой.

- Не пытайся обмануть, ты всё прекрасно понял.

Она отняла руку и опять стала самой собой: старой больной женщиной, которую следовало срочно доставить в больницу. Дмитрий машинально глянул на ладонь и поднялся. Помогая Степанову укладывать бабушку на носилки и, одновременно диктуя её дедушке, какие вещи необходимо взять с собой, он никак не мог избавиться от гложущего предчувствия того, что с этого момента жизнь пойдёт совершенно по иному.



Меряя шагами коридор перед кабинетом главврача, Дмитрий пытался сдержать волнение, отвлекаясь на воспоминания. Картинка за картинкой, фрагмент за фрагментом он с особой тщательностью восстанавливал в памяти всё, что было до того, как оказался здесь.

Его врачебный путь начинался в стенах одного из лучших медицинских учреждений города. Неуверенный, вечно куда-то спешащий, интерн очень быстро, всего за каких-то два года, превратился в уважаемого и значимого реаниматолога. Единственного из всей команды бывших студентов, кто был принят в больницу, как полноправный сотрудник. Пройти собеседование у профессора Климова, главврача и почти мирового светила, было практически невозможной затеей. И когда, сияющего от счастья, Пересветова спросили, как ему это удалось, он честно ответил, что всего лишь пожал руку профессору.

Потом начались больничные будни, благодарные пациенты, удивлённые профессора. Молодой доктор покорял своим талантом даже самых скептически настроенных. Но когда эйфория прошла, он стал понимать, что на самом деле никакой не гений, как любили называть его смешливые медсестрички, вечно краснеющие и, судя по всему, поголовно влюблённые в симпатичного доктора.

А однажды, сам профессор произнёс слова, которые заставили Пересветова всё бросить и сменить престижную должность на работу врача скорой помощи. Он всего-то и сказал: «Мой мальчик, вы ужасно напоминаете мне меня самого, причём, в ваши годы я был гораздо менее серьёзен». Конечно, профессор считал, что хвалит своего ученика. Да любой был бы счастлив услышать от него эти слова, но только не Дмитрий.

Ту ночь он промучился без сна, а на следующее утро подал заявление об уходе. Весь персонал больницы, включая профессора Климова, был шокирован известием, и ещё долго врачи и медсёстры поочерёдно мешали Пересветову собирать вещи, требуя одуматься. Но, не смотря ни на какие уговоры, он был твёрд в своём решении и всем повторял одну и ту же версию причины ухода. Сейчас ему уже и не вспомнить какую именно, потому как это было совершенно неважно. Важно было иное: не может быть двух профессоров Климовых.

В тот раз Пересветов слишком уж вжился в роль. Понадобилось много времени, чтобы отделаться от навязчивого образа мыслей, привычных чужих жестов и манеры улыбаться одним уголком губ при разговоре. Но опыт учителя остался с ним навсегда.

Дмитрий остановился и взглянул на ладонь. Интересно, какое умение он скопировал вчера у бабки?

Размышления прервал гулкий стук распахнувшейся двери.

- А, Пересветов, - протянул главврач, спешно отводя взгляд, – зайди-ка.

Дмитрий вошёл в небольшой светлый кабинет и остановился у двери, ожидая приглашения сесть, но главврач не торопился. Вместо этого, он подошёл к окну и, отвернувшись, уперся невидящим взглядом в стекло. Молчание затянулось.

Запустив руки в карманы синего форменного костюма, Дмитрий остервенело сжал тонкую ткань. Наконец, решившись, он просил:

- Я уволен?

Главврач бросил на него быстрый взгляд и снова уставился в окно.

- Понимаешь, Дима, - начал он, отделяя каждое слово, будто произносить их было невероятно тяжело. – У тебя ведь даже нет водительских прав...

- Понимаю, - жёстко перебил его Дмитрий. – Заявление писать «по собственному»?

- Думаю, что мы сможем обойтись без «статьи», - главврач нервно подёргал ручку фрамуги. – Чёрте что! Зачем красить так, чтобы потом невозможно было открыть?

Он прошептал какое-то ругательство и повернулся к Пересветову.

- Ты знаешь, как я ценю твою работу, Дима, - выдохнул он. – Но ты должен меня понять...

- Я понимаю.

- Тогда, надеюсь, ты не станешь держать на меня зла, - главврач протянул ладонь для рукопожатия.

- Не стану, - коротко ответил Дмитрий и кивнул на предложенную руку. – Только давайте обойдёмся без этого.



Декабрьский снег, превращённый работниками ЖКХ, автомобильными выхлопами и обувью граждан в грязное месиво, противно скрипел и постоянно лип к ботинкам.

«Ненавижу, - раздражённо подумал Дмитрий. – Завтра проступят белые разводы. Попробуй, ототри их потом».

Он достал сигарету, покрутил между пальцев и запихнул обратно в карман. В такой ситуации нормальные люди пить начинают, а он никак не мог заставить себя закурить.

- Вот, гадство, - прошипел, вконец разозлившийся, Дмитрий, пнув небольшую снежную кочку.

Сегодня ему опять отказали, а это значило, что в городе не осталось больше больниц, где доктор Пересветов смог бы начать всё сначала. Слава оказалась довольно прыткой барышней и ушла на много шагов вперёд. К тому же, какой-то болван вздумал написать в местной газете заметку о храбрости врача, который, не умея водить машину, сел за руль и бросился на помощь больному. Он даже назвал статью по-дурацки: «Супер-герой среди нас». Этот горе-угодник, указал не только полное имя и фамилию «героического» врача, но даже год рождения и место работы. Теперь уже бывшее, естественно.

Статька не осталась незамеченной. Каждый встречный и поперечный докторишко норovil выразить своё восхищение, но вот на работу взять отказывался. Всегда одно и то же: «У нас для вас пока нет подходящего места». Ещё бы, кому нужен психически неуравновешенный врач?

«Эх, найти бы мне этого журналюгу, - в бессильной злобе Пересветов сжал кулаки. – Я бы ему такого супер-героя показал!»

Погрузившись в собственные невесёлые размышления, Дмитрий прошёл вход на станцию метро. Чертыхнувшись, вернулся к прозрачным дверям и чуть не получил ими в челюсть. В один момент улица преобразилась. Из метро бешеным, ужасающим напором повалили испуганные люди. Они наседали друг на друга, толкались, вопили. Пересветова отпихнули с такой силой, что он, не удержав равновесия, повалился в мокрый снег. А перепуганные пассажиры продолжали выскакивать, бросая двери и совершенно не заботясь ни о ком, кроме самих себя. На их лицах читалась одинаковая ужасающая паника. Матери, рыдая, прижимали к себе детей, подростки выбегали прямо на дорогу, рискуя попасть под колёса, старики кричали, энергично работая локтями и палками, абсолютно забыв о своём возрасте и больных конечностях.

Оторопело наблюдая за воцарившимся хаосом, Дмитрий поднялся. Инстинкт врача заставлял его вглядываться в лица бегущих, чтобы вовремя распознать того, кому вдруг потребуется помощь. Но что-то неуловимое всё время отвлекало. Что-то тянуло оглянуться, звало за собой. И он не удержался.

На другой стороне улицы, надвинув на глаза капюшон меховой куртки и спрятав руки в карманы, стоял человек. Рядом толпилось множество зевак, которые также с интересом наблюдали за всеобщей свалкой у метро, но в сознании Пересветова именно этот, с капюшоном, сильно выделялся из толпы. Как будто ощутив на себе взгляд, человек сделал шаг назад, свет от фонаря упал на лицо и Дмитрий отчётливо разглядел довольную ухмылку. Негодование обжигающей волной прокатилось по телу. Поддавшись сиюминутному импульсу, он ринулся через дорогу, по пути набирая номер диспетчерской.

- Валюша, срочно три бригады на Смоленскую! Да какая тебе, к чёрту, разница, кто говорит. Людей спасай, дура!

Старый, заброшенный парк культуры и отдыха. Да, именно так он назывался когда-то. Дмитрий помнил, как в первый раз его привела сюда мать, и с каким восхищением он глядел на свежеекрашенные аттракционы. Самым большим счастьем тогда было получить из рук золотозубого дядьки огромный белый шар воздушной ваты на зусенчатой деревянной палочке. Именно здесь он впервые ощутил на себе все прелести Дара.

Это потом, он поймёт, что заимствование чужих талантов не самая удачная шутка Бога, а возможно, наоборот, очень удачная - дьявола. Много позже будет стараться избегать прикасаться к незнакомым и даже друзьям. А пока, играя с очкастым, заносчивым парнишкой в шахматы, он с трепетом будет выбирать момент, чтобы, будто случайно ухватить за руку его папашу-гроссмейстера. И гордо вздёрнет подбородок, принимая поздравления и восхищённые похлопывания по плечу от тех, кто даже представить себе не может, что сегодня он играл впервые.

Сейчас этот старый, ржавый хлам уже никому не нужен. Возможно, вскоре здесь возведут очередной рай для шопоголиков, а пока это место сбора не самых лучших представителей общества.

Дмитрий пошёл вперёд по растрескавшимся заснеженным плитам. Нужно было догнать улыбчивого гадёныша. Они сам не знал, зачем ему это, понимал только, что не сможет успокоиться, пока не отыщет и не прижмёт к стенке. Было такое чувство, будто его подцепили на крючок. Только если рыба в такие моменты бьётся, то ему самому хотелось поскорее оказаться там, откуда тянется леска. Ещё одно смутное чувство подсказывало - это тоже новое умение, полученное совсем недавно.

Облака, укутывавшие небо весь день, куда-то испарились, и снег всюду отражал свет полной луны, создавая в парке некое подобие освещения.

- Э-эй! – высокий, немного хриловатый мальчишеский голос послышался откуда-то сбоку.

Дмитрий потоптался на месте, пытаясь отыскать его хозяина. От парковых давно неухоженных деревьев отделилась худощавая фигура и, подойдя на несколько шагов, замерла, уперев руки в бока.

- Зачем ты идёшь за мной?

- Может, снимешь капюшон? – теперь Дмитрий уже не сомневался, что перед ним подросток, хотя смутное ожидание предстоящей встречи с мальчишкой не покидало от самого метро.

Паренёк хмыкнул.

- С чего бы это?

- Мне, показалось, ты хотел, чтобы я пришёл сюда, - Дмитрий старался говорить как можно спокойнее, дабы не спугнуть пацана, но тот похоже, ничуть не испугался.

- А ты и вправду непростой, дядя, - паренёк язвительно захихикал. – Клёво.

Ещё одна догадка подтвердилась. Всю дорогу Пересветову казалось, что мальчишка специально пытается не потеряться из виду.

- Что ты делал у метро? – Дмитрий шагнул к пареньку, но тот предостерегающе поднял руку.

- То же, что и остальные, глазел.

Новый смешок.

- Ты врешь.

- Конечно, вру. Или ты хочешь, чтобы я, как в плохом кино, стал изливать тебе душу?

- Ну, что ж, нет, так нет, - Дмитрий пожал плечами и сделал вид, что уходит.

Уловка сработала.

- Эй, постой, мы так не договаривались, - протянул мальчишка. – Неужели тебе не интересно, зачем я привёл тебя сюда?

- Нет, - Дмитрий отмахнулся и медленно двинулся прочь.

- Постой, как это? – озадаченный подросток уже был совсем рядом.

- А вот так. Иди домой, я уже не в том возрасте, чтобы играть в дурацкие игры.

- Почему тогда побежал за мной, вместо того, чтобы вытаскивать людей из огня?

- Из какого огня? – Пересветов остановился так резко, что мальчишка налетел на него.

Капюшон упал с головы паренька и Дмитрий разглядел скуластое, худое лицо, с не очень чистой, как и полагается для этого возраста, кожей и чёрными, удивлённо распахнутыми глазами.

- Ты не видел? – голос паренька истерично дрогнул.

Пересветов сложил руки на груди.

- Не было никакого огня. Тебе показалось. Не знаю, что напугало всех этих людей, но и ожогов у них точно не наблюдалось, уж можешь мне поверить.

- Не может быть, - прошептал мальчишка, наклонился, схватил пятернёй немного снега, и, сдавив его, запустил собеседнику в лоб.

Дмитрий ухнул от неожиданности, вытер лицо и бросил на подростка яростный взгляд.

- Совсем сдурел? Давай, вали дамой, пока я тебе уши не надрал.

Но паренёк, казалось, прирос к тому месту, где стоял и только нервно хватал ртом воздух, не в силах произнести ни слова.

- Так, - окончательно выйдя из себя, Дмитрий схватил его за руку и потянул. – Пойдём, покажешь, где живёшь. Нечего в такое время по всяким злачным местам шляться.

И тут что-то случилось. Будто голова взорвалась, превратившись в шапку ярко-красного фейерверка. Отчаянное чувство одиночества, неуёмная жажда мести и дикого, необузданного веселья сплелись в тугую жгут. Пересветову всего на миг почудилось, что он смотрит на себя как бы со стороны, а затем липкий холодный снег оказался прямо перед глазами и кто-то огромный заслонил свет массивным телом.



Будильник зазвонил одновременно с мобильным. Вначале Дмитрий никак не мог понять, отчего кнопка отмены сигнала никак не срабатывает. В конце концов, с трудом разлепив глаза, он разглядел беснующийся на диванном подлокотнике мобильный телефон и поднял трубку.

- Слушаю!

- Дима, я у твоего подъезда,пустишь?

Пересветов подскочил, будто диван разом превратился в утыканного иглами ежа. Зайка никогда не приходила так рано. Что-то случилось? Лихорадочно надевая спортивные штаны и чертыхаясь, он доскакал к домофону, нажал кнопку и прислушался. Как только шаги на лестнице затихли, Дмитрий со счастливой улыбкой распахнул дверь. Маленькая изящная девушка невозмутимо стряхнула снег с воротника, постучала каблучками, избавляясь от налипших комьев на сапогах, и только потом подняла взгляд на Пересветова. Улыбка моментально сползла с его губ. Её взгляд был таким холодным и колючим, что он невольно поёжился.

- Зайка, что произошло? – наконец, озвучил терзавшую его мысль.

- Дима, сколько раз я просила не давать мне идиотских прозвищ? – недовольно хмыкнув, она шагнула в квартиру.

Ошарашенный Дмитрий попятился, освобождая дорогу, и одновременно пытаясь помочь ей снять пальто.

- Не нужно! - жёстко сказала девушка, захлопнув дверь, громкий стук эхом пронёсся по квартире. – Я всего на пару слов. Помнишь, ты как-то сказал, что можешь смириться со всем, кроме лжи?

Дмитрий озадаченно кивнул.

- Так вот, - она скомкала в ладошках ремешок от сумочки. – Я пришла, сказать тебе правду.

На секунду запнувшись, тряхнула копной волнистых волос, но продолжила:

- Я не могу больше быть с тобой, Дима. Я поняла, что не люблю тебя.

- Как? – только и смог выдавить Пересветов.

- А вот так, - её глаза наполнились злостью, то ли на себя, то ли на того, кто стоял перед ней. – Прости, но мы слишком похожи.

Она горько усмехнулась.

- Обычно в таких случаях говорят: «мы слишком разные». Но у нас же всё не как у людей, да?

Она с надеждой поглядела на Дмитрия. Он молчал.

- Ты ничего не хочешь мне сказать? Может, мне показалось?

Он продолжал молчать.

- Дима?

- Ты права, - упавшим голосом сказал Дмитрий. – Мне вообще не стоило прикасаться к тебе.

- Вот и отлично, - она чересчур резко обернулась и всем телом налегла на дверь.

Мягко отстранив её, Дмитрий нажал на ручку. Дверь заскрипела. Девушка вздрогнула и обернулась.

- Прости меня, Дима, - повторила она как-то жалобно, – мне вполне достаточно обычного зеркала.

Пересветов дождался, пока она уйдёт, и, захлопнув дверь, прислонился к ней спиной.

В виски сейчас же забухали десятки молотков, а сердце отозвалось щемящей болью. Он любил её. Любил больше себя самого, но проклятый Дар, как раз и не позволял оставаться самим собой. С каждым прикосновением всё больше походил на неё. Для того, чтобы вернуться, перестать быть ею, приходилось врать о частых ночных дежурствах, продолжительных командировках, симпозиумах. А ведь он так ненавидел враньё. Как она сказала? Хватит и одного зеркала? Вот, отличное название. Он – зеркало. Нет, не простое, у него есть душа, но каждый, даже заглянув туда, всё равно видит только себя.

Как холодно. Пересветов схватился за голову. Нельзя, раскисать, нельзя! Всегда есть место, где ты нужен даже таким. Подхватившись, он набрал номер телефона матери.

- Мам, я приеду?

- Да, сынок, конечно, - голос прозвучал с плохо скрываемой неуверенностью.

- Мам?

- Ты знаешь, я не очень хорошо себя чувствую...

- Я врач, ты помнишь?

Минутное молчание. Слышно как жужжит не вовремя проснувшаяся муха.

- Сынок, лучше не надо, когда ты рядом, мне как-то не по себе. Будто я не с тобой говорю, а сама с собой...

Снова молчание.

- А хотя, знаешь, наверное, я впадаю в маразм, - натянутый смешок. – Приезжай, я соскучилась.

- Я тоже скучаю, мама, но представляешь, пока говорили, глянул в ежедневник. Конференция-то оказывается уже на этой неделе. Я был уверен, что на следующей.

- Ох, как жалко, - в голосе облегчение. – Ну, ты, как освободишься, обязательно приезжай.

Короткие гудки. Последнее время всё чаще и чаще. Мерзкие, сжигающие последнюю надежду.

Опять этот холод. Пересветов застонал и остервенело швырнул мобильник на кровать. Что теперь? Девушка бросила, работы нет, даже мать и та, жутко подумать, боится собственного сына. А ведь было время, когда он радовался Дару, когда верил, что с его помощью сможет осчастливить весь мир. Глупые мечты наивного мальчишки. Мальчишки...

- Стоп! Где мальчишка?

Перед глазами всё заплясало. Дмитрий почувствовал, что лежит лицом в снегу. Так вот почему всё время было так холодно. Он осторожно поднялся. Подросток был всё ещё здесь. Он стоял, облокотившись о разбитый фонарь, и что-то напевал себе под нос. Капюшон снова надвинут на глаза.

- Что ты со мной сделал, гадёныш?

- Я? – на этот раз его смех ещё отвратительнее. – Это ты мне скажи, чего это ты в обморок рухнул? Больной, что ли?

- Ты говорил об огне, - Пересветов сделал вид, что не услышал вопроса. – А, может быть, ты сам и создал его?

Смех оборвался, но улыбка не покинула губ собеседника.

- Здорово, да?

- Кто ты?

- Можешь звать меня Иллюзионист. Я заставляю людей видеть то, чего они больше всего боятся.

- И что, все эти люди в метро боялись огня?

- Нет, они боялись террористов и взрыва. Сегодня утром передавали по всем каналам: в одном из городов рвануло. Там куча народу ласты склеила. Вот они, дурачки, насмотрелись. Общий страх ещё хуже, чем личный, хотя и намного веселее.

- Значит, и для меня ты создал иллюзию?

- Ты же говорил, что не видел огня, - мальчишка перестал улыбаться.

- Причём тут это? – Пересветов уже с трудом держал себя в руках, чтобы не заорать. – Ты издеваешься? Заладил, как попугай: «огонь, огонь». Я про Зайку, про маму, про зеркало.

- Какое зеркало? – мальчишка явно заинтересовался и вряд ли играл роль.

Дмитрий задумался. Перед тем, как потерять сознание, он собирался отвести пацана домой и...

Схватил его за руку!

- Это я сделал, - машинально выдал он вслух.

- Не понял, - парень подался вперёд.

- Неважно, - спохватился Пересветов. – Ты не сказал, зачем мы здесь?

- Считаю, что я так развлекаюсь, - отмахнулся мальчишка.

- Как ты управляешь иллюзиями?

Подросток подошёл почти вплотную и, откинув капюшон, склонил голову на бок, с интересом разглядывая Пересветова.

- Зачем тебе знать?

- Просто интересно, - Дмитрий старался говорить как можно непринуждённое.

- А знаешь такую поговорку: «Любопытной Варваре на базаре нос оторвали»? – спросил мальчишка и захихикал.

- Тебе сколько лет? Двенадцать?

- Пятнадцать, - зло выплюнул подросток.

- Ты смотри, так сразу и не скажешь, - Дмитрию вдруг захотелось вывести этого наглого мальчишку из себя.

- Да ты что? – ехидно отозвался тот. – Думаешь, я ещё недостаточно взрослый, чтобы догадаться кто ты?

Он прошёлся перед Пересветовым туда и обратно, заложив руки за спину.

- Обычный врач скорой помощи спешит к умирающему пациенту, садится за руль вместо выбывшего с дистанции водителя, а потом привозит и пациента, и машину в больницу в целости и сохранности без единой царапины.

Мальчишка лукаво подмигнул.

- Герой, что и говорить. Но есть маленькая нестыковочка: этот самый доктор до того случая ни разу в жизни не сидел за рулём. Как такое возможно?

Он потешно всплеснул руками, поцокал языком и уже без тени иронии добавил:

- Так что ты здесь издеваешься, не я.

- Зачем я тебе? - Дмитрий решил больше не играть «в догонялки».

- Есть дело.

- Слушаю.

- Я пока не совсем разобрался, как у тебя это выходит, но с твоими способностями и моим даром мы можем иметь всё, что пожелаем.

- Что, например?

- А как ты думаешь? Власть, богатство, уважение, - мальчишка даже глаза закатил от удовольствия.

Пересветов хмыкнул.

- Я вижу, мой мальчик, ты насмотрелся голливудских фильмов, - сказал он, подражая тону профессора Климова.

- Фуфло твои фильмы, - вспыхнул подросток. – Я говорю не о всяких там соплях, а о реальных возможностях. Ну, подумай сам, мне пятнадцать, и пока никто не воспринимает меня всерьёз. Всё, что я могу – как следует напугать, но если рядом со мной будешь ты, то мы сможем хорошенько развернуться. Мы войдём в любые двери и убедим любого в чём угодно.

- Заставим, ты хотел сказать?

- Какая разница? Главное – результат.

Пересветов присел на корточки и глянул на пареньку снизу-вверх.

- Ты знаешь, - сказал он спокойно. – В своей жизни я видел немало озлобленных подростков, которые обожали антигероев и каждый день в мечтах, между поеданием бутерброда и вечерним туалетом, порабощали мир. Но все они выросли, стали обычными дядьками, со своими радостями и проблемами, и теперь у каждого из них подрастают собственные дети, которые тоже скоро превратятся в злобных подростков.

Дмитрий мягко улыбнулся.

- Поэтому всё, что тебе нужно – это немного подождать, и, как любит говорить один профессор, оно само отвалится.

Мальчишка изменился в лице. Он насупился, сцепил зубы и, сверкнув глазами, прошипел:

- Мне не нужны нотации. Все твои идиоты не стоят того, чтобы даже заговорить со мной. А ты...

Он набрал в грудь побольше воздуха.

- Знай, если не со мной, то против меня.

- Я не против, - усмехнулся Пересветов, - но и не «за».

Парень покусал губы и натянул капюшон.

- С этого момента у тебя появился главный враг всей твоей жизни, - выплюнул он. – Увидимся!

Нервно развернувшись, он зашагал прочь во тьму заброшенного парка. Пересветов ещё долго смотрел ему вслед, соображая, что заставляет мальчишек становиться такими. Но вскоре он поднял воротник пальто и зашагал в обратном направлении. А всё-таки парнишка ему помог, теперь он точно знал, что должен делать.



- Расступитесь.

Толпа расступается на автомате, освобождая дорогу человеку в костюме врача скорой помощи.

- А что кому-то плохо? – доносится одинокий голос.

Дмитрий улыбается, но им не разглядеть его выражения лица под медицинской маской.

- Советую не приближаться, - бросает он. – Возможен вирус гриппа аш один эн один.

Толпа быстро редет. Человек-горилла на входе пропускает врача без лишних вопросов. Его маленький мозг не способен заподозрить неладное. Видимо, в детстве учили слушаться маму и доктора. В клубе жарко. Пахнет потом и алкоголем. Глупые полуголые девицы и пьяные мужчины извиваются в такт ритмичной музыке. Сегодня ещё больше подростков, чем в прошлый раз. Дмитрий невольно вспоминает того паренька, который называл себя Иллюзионистом. Прошло больше года, а он всё никак не может забыть.

- Вы хуже, - шепчет он одними губами, глядя на беснующуюся толпу.

Вот и заветная дверь. Хозяин клуба сегодня тут. Это совершенно точно. Одной рукой Дмитрий распахивает дверь, а другой ловко отщёлкивает замок на медицинском чемоданчике. Белая пластиковая коробочка с красным крестом со стуком падает на пол, оставляя в ладони Пересветова «Чёрный стриж» девятого калибра.

- Я говорил тебе, что дети и наркотики понятие несовместимое?

Хозяин застывает. Бокал с каким-то пойлом ядовито-зелёного цвета выскользывает и с гулким стуком падает на дубовый стол, разбрызгивая содержимое.

- Хм, небьющийся, - констатирует Пересветов.

- Зеркало? – выдыхает трясущийся хозяин.

- Ты смотри, запомнил, - выверенным движением Пересветов направляет ствол пистолета хозяину в лоб.

- Н-не убивай, - сипит тот, заикаясь.
- Я врач. Уничтожать паразитов и вырезать опухоли – мой долг.
- Ты же не умел, я сам видел...
- Вчера твой снайпер сдуру пожал мне руку.



Жизнь странная штука. Она любит давать, но не меньше любит и отбирать, а всё чего мы боимся обязательно случается. Многих это ломает, но некоторые ищут в этом особый смысл. Возможно, они появились на свет для чего-то большего, чем жизнь обычного человека с семьёй, работой, маленькими радостями и большими разочарованиями. Быть может, отдав себя служению людям, они получают много больше. Мало кто знает, что значит обладать особым даром, и почти никому неизвестно, что за этот дар всегда нужно платить.

Пять лет назад в районе заброшенного парка культуры и отдыха, на окраине большого города пропал без вести хороший человек и неплохой врач Дмитрий Николаевич Пересветов, чтобы дать возможность появиться герою. Его имя Зеркало. Он предал себя, чтобы получить право убивать, покинул родных и любимых, чтобы избавиться от слабых мест, изменил мечте, бросив её к ногам великой цели – защите невинных. И как бы пафосно это не звучало, он заплатил жизнью свободного доктора за возможность использовать Дар ради других.

До сих пор, он выходил победителем из любой схватки, потому что никто не может бороться с самим собой. Но сегодня его сердце впервые за пять долгих лет дрогнуло и забилось чаще. Сегодня, поднимаясь к себе, он обнаружил в почтовом ящике цветастую открытку, на обратной стороне которой идеальным почерком было выведено:

«Ну что же, продолжим игру? Иллюзионист»